

Хлынина Т. П. Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны / Т. П. Хлынина // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29) : История. Социология. – С. 17–38.

УДК 94(47).084.8

Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны¹

Т. П. Хлынина

В статье на широком архивном материале рассматриваются состояние жилищного вопроса и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны. Отмечается, что при резком ухудшении жилищных условий органами власти в центре и на местах был взят на учет наличный жилищный фонд городов. Его распределение и поддержание в пригодном для проживания состоянии зависели как от конкретных возможностей власти, так и от личных качеств ее представителей. Выявляемые нарушения порядка очередности предоставляемого жилья, его качества и своевременной оплаты брались «на контроль» вышестоящими инстанциями, а ответственные за их допущение лица подвергались мерам административного воздействия. С 1943 года власть начинает активные поиски средств по восстановлению разрушенного в ходе войны жилищного фонда, а также его увеличению. Был принят ряд решений по возведению новых заводов строительных материалов, а также инициирована широкая дискуссия о формах и этажности послевоенной застройки. Началось проектирование городского и сельского жилья с элементами бытового комфорта. Однако обозначившиеся в годы войны попытки принципиально иного, ориентированного на потребности человека, решения жилищного вопроса так и оставались проектами.

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Мировые войны и опыт решения оборонных, народно-хозяйственных и политических проблем на юге страны в чрезвычайных условиях военного времени» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности»

Ключевые слова: Великая Отечественная война; жилищный фонд; уплотнение; «простаиваемое жилье»; жильцы; эвакуированные; проект; застройка.

Резкое ухудшение и без того далеких от нормальных жилищных условий началось уже в первые месяцы войны. Оккупация советской территории, эвакуация населения в восточные районы страны, а также уничтожение в ходе активных боевых действия части жилищного фонда повлекли за собою новую волну уплотнений. В этой ситуации на жилищные управления возлагалась огромная хозяйственная и моральная ответственность по распределению жилой площади и поддержанию ее в нормальном состоянии. Жилищные управления исполкомов городов, подвергшихся разрушениям, проводили ежедневные обследования состояния жилищного фонда и решали вопросы, связанные с судьбами людей, лишившихся крова. В их обязанности входило и улучшение жилищных условий горожан, предусматривавшее запись их неотложных нужд, оказание посильной помощи в подвозе дров, восстановлении выбитых окон, поврежденного водоснабжения. Нередко по инициативе советского и партийного руководства городов эти задачи решались посредством привлечения общественности. В Ленинграде недолгое время действовали комсомольские бытовые отряды. Ср. о бойцах отряда Приморского района, созданного в январе 1942 года: «Убирали комнаты, привозили воду и дрова, попили печь, устраивали детей в детдома. Известен случай, когда они отремонтировали помещение столовой» [Яров, 2012, с. 552] (здесь и далее в цитируемых материалах сохраняется орфография и пунктуация оригинала).

В то же время установленный порядок распределения жилой площади в городах часто нарушался, причиной чему нередко оказывалось отсутствие за ним действенного контроля со стороны районных управлений. Результатом становился самовольный захват квартир. Так, 9 сентября 1943 года Ростовский горком ВКП (б) констатировал: «По 6 районам города самовольно захвачено 1345 квартир, занято

по немецким ордерам во время оккупации города фашистскими захватчиками 2945 квартир <...> Со стороны РИК и РЖУ этим фактам не придано должного внимания и не подвергнуты тщательному анализу лица, получившие при немцах ордера на квартиры. Заявления вовремя не разбираются, отсутствует элементарный порядок в деле распределения жилплощади, замечены случаи злоупотреблений со стороны отдельных управдомов» [ЦДНИРО, ф. 13, оп. 4, д. 23, л. 49 об]. Вопрос о выселении самозахватчиков из квартир эвакуированных граждан рассматривался горкомом годом ранее, однако его решение выполнялось медленно: «Отсутствует необходимый контроль и ответственность определенных лиц за сохранение имущества эвакуированных. В результате в некоторых квартирах имущество расхищено» [ЦДНИРО, ф. 13, оп. 2, д. 1003, л. 3].

Освобождаемые жилые площади вследствие эвакуации предприятий и «добровольного выезда из города» граждан переходили в категорию «простаиваемых». В отношении «простаиваемой площади» в том же 1942 году было принято правительственное постановление, согласно которому эти площади временно изымались у эвакуированных или могли быть «изъяты у выбывших квартиросъемщиков в связи с неуплатой квартплаты свыше 3-х месяцев»¹. Его разноречивое толкование на местах повлекло за собой огромное количество нарушений в отношении прав квартиросъемщиков и занимаемого ими жилья. Информация по Свердловскому райжилуправлению: «Квартиросъемщик Бертоянц призван рядовым в РККА, семья эвакуирована. Квартплата начислена в размере 100 % прежней платы, этим создавалась искусственная задолженность на предмет изъятия площади». Схожая ситуация наблюдалась и по 36 домоуправлению: «Большинству эвакуированных квартиросъемщиков до 1/VII-42 не предоставлена 50 % скидка по квартплате, этим только 15-ти квартиросъемщи-

¹ Следует отметить, что решение об изъятии жилой площади у недобросовестных плательщиков не являлось порождением военного времени. Речь идет о применении Постановления СНК СССР № 908 от 11 июня 1941 г. // Центр хранения документов после 1917 г. Центрального государственного архива г. Москвы. Ф. 831. Оп. 1. Д. 55. Л. 277.

кам на момент обслуживания излишне начислено от 80 до 567 руб. <...> 28 квартиросъемщикам, эвакуировавшимся из г. Москвы, незаконно было начислено за радио до 62—70 руб. Создавая этим искусственную задолженность свыше 3-х месяцев, домоуправление поставило под угрозу лишения жилой площади десятки квартиросъемщиков». В ходе проводившейся по Пироговскому РЖУ проверки за 1942 год было установлено, что «бывший управдом 140 домоуправления Конюхов, присвоив деньги по почтовому переводу эвакуированного жильца Якобсон, заселяет его комнату временными жильцами, неправильно начисляет квартплату и отказывается признать за вернувшимся т. Якобсон в Москву платежи по причине просрочки таковых, хотя при правильном исчислении квартплаты за т. Якобсон просроченной задолженности не было. Конюхов за присвоение денег по почтовым переводам и за присвоение имущества эвакуированного осужден». По Арбатскому РЖУ «бывшая управляющая домом Швырева, желая незаконно присвоить площадь эвакуированной т. Самохиной, скрыв наличие у таковой брони, неправильно начисляя квартплату 100 % до 1/VI-42 вместо 50 %, подала на т. Самохину в нарсуд на выселение. Выселив ее “заочно” за неплатеж и отсутствие брони, Швырева вселилась в комнату Самохиной. Таким же методом Швырева выселила ряд эвакуированных квартир. Сама Швырева являлась злостной неплательщицей, не платя квартплату в течение 8 месяцев. Т. Самохина восстановлена в своих правах, а Швырева с работы снята и выселена с площади Самохиной» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 490, оп. 1, д. 11, л. 17]. В Ростове-на-Дону бывший управляющий домом № 50 Бодров «захватил со взломом себе 3 квартиры и расхитил имущество эвакуированных граждан» [ЦДНИРО, ф. 13, оп. 2, д. 1003, л. 15].

Судьба освобождавшегося жилого фонда зависела не только от районных жилищных управлений и моральных качеств возглавляемых их людей, но и от решений государственных органов власти. 5 февраля 1942 года Секретариат жилищного отдела Мосгориспол-

кома рассмотрел решение ГКО СССР о передаче Народному комиссариату обороны «для размещения 100 чел. свободной жилплощади в доме эвакуированного завода № 192». 19 февраля исполком отменил принятое тремя днями ранее постановление «Об освобождении жилой площади в домах предприятий и райсоветов, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуировавшимися из Москвы», согласно которому на это время за ними закреплялись занимаемые квартиры. Теперь они «предоставляются, в первую очередь, рабочим и служащим оборонных предприятий, оставшихся в городе, и заселяются по решению Московского совета» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 2433, оп. 8, д. 2, л. 3]. В этот же день было рассмотрено и утверждено решение «О заселении жилой площади индивидуально эвакуировавшихся из Москвы лиц, не внесших квартплату свыше 3-х месяцев». Изымаемое таким образом жилье переходило в ведение владельца дома и использовалось им по собственному усмотрению. В ноябре 1943 года «жилая площадь, принадлежавшая ранее гр-ке Анисимовой В. Т. в кв. 89 дома 9/10 по Дровяной площади и гр-ну Авакову А. И. в том же доме кв. 97, выехавшим из дома в связи с эвакуацией в индивидуальном порядке и вследствие неуплаты за квартиру свыше 3-х месяцев» передавалась управлению жилищного строительства Моссовета [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 2433, оп. 8, д. 2, л. 12].

В 1944–1945 гг. активно заселялась освободившаяся жилплощадь репрессированных [Распоряжение от 29.04.1944] и осужденных лиц [Распоряжение от 12.01.1945]. При этом жилье предоставлялось вполне определенной категории граждан (военнослужащим, ответственным партийным и хозяйственным работникам, работникам наркоматов) как «по факту его отсутствия», так и в качестве улучшения «прежних условий проживания». 17 февраля 1945 года СНК РСФСР предложил начальнику Мосжилотдела: «Передать квартиру № 23 дома № 8 по ул. Горького дважды Герою Советского Союза генерал-лейтенанту тов. Денисову. Освободившуюся за его выездом жилпло-

щадь в кв. 24 дома № 3 по ул. Огарева примите в резерв» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 2433, оп. 8, д. 2, л. 37]. Тип и качество выделяемого жилья определялись социальным статусом жильцов, их заслугами перед Отечеством и зачастую изымались у прежних владельцев по причинам «выгодного месторасположения и близости к месту службы будущих владельцев». 7 февраля 1943 года заведующему жилотделом Моссовета Гусеву предлагалось: «В пятидневный срок переселить три семьи, проживающих в доме М. Дмитриевке дом № 14, предоставив им равноценную жилплощадь (из резерва). Освобождающуюся жилую площадь <...> предоставить отделу государственного обеспечения и бытового обслуживания семей военнослужащих» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 2433, оп. 8, д. 8, л. 47]. 17 декабря исполком Моссовета постановил предоставить «1. Полковнику Московскому две комнаты в доме № 28/8 по Пушкинской ул., кв. 3; 2. Семей тов. Жданова А. А. квартиру в доме № 7 по Брюсовскому переулку, кв. 49; 3. Герою Советского Союза, инвалиду Отечественной войны т. Кучерову одну комнату в доме № 19 по Садово-Кудринской улице, кв. 5» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 851, оп. 1, д. 55].

Складывавшаяся практика решения текущих жилищных вопросов неизбежно порождала конфликты и вносила еще большую неопределенность в без того сложную ситуацию с жильем. Возвращение прежних ответственных квартиросъемщиков с фронта, из эвакуации, а зачастую и из мест административной высылки обостряло нерешенный в предыдущие годы жилищный вопрос и связанное с ним обеспечение земель многочисленных домовладений. Так, Майкопский городской исполком с 1943 года до начала 1960-х гг. не мог решить «окончательно запутавшееся в годы войны жилищное положение дел». Вот один из наиболее типичных и распространенных в практике его работы случаев. 8 февраля 1952 года в горисполком поступило заявление от Ю. К. Кашиной, в прошлом воспитанницы детского дома, оказавшейся замужем за «изменником Родины» и высланной на этом основании в 1944 году из города с двумя детьми

сроком на 5 лет. Истица просила вернуть принадлежавшую ей когда-то долю домовладения, ссылаясь на соответствующие документы и неподтвердившуюся вину мужа. Просьба так и не была удовлетворена по причинам «неясности сути самого дела и перегруженности канцелярии исполкома» [НАРА, ф.р–79, оп. 3, д. 507, л. 3.].

Сочинца А. З. Дьякова, вернувшегося 10 марта 1943 года в родной город из Тбилиси, квартира встретила новыми жильцами — «заместителем начальника службы тяги Белым Сергеем Сергеевичем с женой <...> На второй день Белый заявил, что он хозяин квартиры — так ему сказал якобы начальник [неразборч.] Кочиев. Мочалин (начальник отделения НКВД) обратился к Кочиеву — он подтвердил права Белого на квартиру. Я возмутился, пошел к Мочалину — тот удивился таким поведением Белого, который к тому же спит на моей кровати и пользуется мебелью и посудой, посоветовал подать письменное заявление в [неразборч.]. Я подал, изложил свои права и как вернулся из служебной командировки. На 2-й день Кочиев наложил Дикопольцевой (управдом) резолюцию — “переселить Белого в квартиру Новикова”». Драматизм ситуации усугублялся и начавшимися бытовыми проблемами вынужденного сосуществования двух семей: «В начале я все же думал, что вопрос все же разрешится быстро, однако проходит вторая неделя, а домком не думает искать квартиру Белому, и Белый уже привык и начал проявлять нахальство, т. е. живет как хозяин квартиры. Паня (жена А. З. Дьякова. — Т. Х.) поневоле превращается в домработницу для Белых — убирает квартиру, выносит помои и т. п. Придется действовать через прокурора» [Герои..., 2010, с. 60]. Через две недели он с отчаянием напишет в своем дневнике: «Белый все еще живет в моей квартире. <...> Я же с женой и вернулся из служебной командировки — с фронта, где жертвовал головой за родину, бил врага с оружием в руках, в тылу врага?! Какие ничтожные или нечуткие люди находятся на руководящих постах, да еще на таких» [Герои ..., 2010, с. 61]. Только к 15 мая, судя по дневниковым записям, появляется надежда на скорое избавление

«от совместного сожительства с Белыми», когда «нет возможности даже раздеться или о чем-либо вслух порассуждать»: «Теперь и настаивать о выселении их или обострять отношения нет повода, т. к. он уже имеет ордер на квартиру бывшего начальника депо Шорова, который должен выехать вскоре в Армавир» [Герои ..., 2010, с. 63].

С освобождением оккупированных территорий начиналось восстановление жилищно-коммунального хозяйства городов и сельских населенных пунктов. Степень их разрушения зависела от времени, характера оккупации, близости от линии фронта и колебалась от 15—20 % до 100 %. Согласно данным ЦСУ СССР на 1 января 1945 г., из 694 строений, находившихся до оккупации в г. Истре, было полностью разрушено 688. Схожая ситуация наблюдалась и в Великих Луках, где из 3007 строений 2704 было разрушено полностью и 303 — частично. Таганрог за полгода оккупации из 21 733 довоенных жилых построек потерял 942 дома полностью и 866 — частично [РГАЭ, ф. 1562, оп. 14, д. 1217, д. 3]. По данным единовременного учета, городской жилищный фонд, находившийся в личной собственности граждан, на 1 января 1944 года в СССР насчитывал 2 656 762 дома общей площадью 74 460 072 кв. м. Из них на Ростовскую область приходилось 105 518 жилых строений, площадь которых составляла 3 085 372 кв. м; Московскую — 79 067 дома общей площадью 3 028 665 кв. м; Воронежскую область — соответственно 9755 и 259 258 кв. м. [РГАЭ, ф. 1562, оп. 14, д. 1169, л. 1]. Большинство же сохранившихся домов, в основном коммунального типа, находилось «в запущенном санитарном состоянии»: «Места общего пользования (кухни, коридоры, уборные), в особенности дворы, загрязнены мусором и нечистотами» [ЦДНИРО, ф. 13, оп. 2, д. 1003, л. 4]. Причиной тому стали массовые разрушения водопроводов и канализаций, поставившие жилой фонд городов «в тяжелые бытовые условия». В связи с этим 14 февраля 1942 года Моссоветом было принято решение о срочном восстановлении водопроводов, канализаций в жилых домах, установлении выносных уборных и «приспособлении

люков для слива нечистот в домах, где к этому времени не будут закончены работы по канализации». С этой целью выделялось 120 куб. леса, бригады слесарей, плотников и подсобных рабочих [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 831, оп. 1, д. 36, л. 105].

Начавшаяся сверка обобщественного жилищного фонда натолкнулась на ряд трудностей, прежде всего сопряженных с возникшей путаницей в ведомственной принадлежности и отнесении к жилищному фонду ряда строений. В составленном для его учета инструментарии разъяснялось, что городской обобщественный жилищный фонд включает в себя государственные, кооперативные, общественные учреждения и предприятия, находящиеся в городах, рабочих поселках и поселениях городского типа. К нему не относился жилой фонд наркоматов обороны, военно-морского флота, внутренних дел, авиационной промышленности, боеприпасов, вооружения, танковой промышленности, минометного вооружения, Главного управления государственных материальных резервов [РГАЭ, ф. 1562, оп. 14, д. 1168, л. 2]. К жилищному фонду, помимо жилых строений, представленных домами и бараками, следовало относить «больничные, школьные торговые, административные строения, если в них проживает хотя бы один человек <...> Учитываются также в качестве временного жилья: сараи, амбары и прочие служебные постройки, землянки, палатки, кузова вагонов, баржи, залы клубов, кино, красные уголки, классные комнаты» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 14, д. 1168, л. 10].

Показателем благоустроенности жилья выступало наличие в нем водопровода, канализации, централизованного отопления и электрического освещения. К этому показателю добавлялся еще и материал жилого строения, представленный деревом, камнем и их смешением. Пределом мечтаний считался каменный дом. Однако такими характеристиками не обладала и треть послевоенного жилищного фонда. В Киеве из 33 348 сохранившихся домов каменные и смешанные составляли 14 388, водопроводом были оборудованы 3582, канализа-

цией — 547, центральным отоплением были снабжены 465 [РГАЭ, ф. 1562, оп. 14, д. 1210, л. 24].

«Сведения об ущербе, нанесенном коммунальному хозяйству городов, бывших в оккупации» стали собираться ЦСУ и отделом жилищно-коммунального хозяйства Госплана СССР с 1943 года. Местные статистические управления не всегда располагали необходимыми центру данными, которые в рассматриваемый период были весьма приблизительными. 15 апреля 1944 года статуправление г. Таганрога сообщало: «Полученный нами материал <...>оказался недоброкачественным. В настоящее время, в полной мере осознавая всю необходимость их (данных. — Т. Х.), мы лишены возможности отвечать на многие, ставящиеся Вами вопросы, касающиеся жилищного фонда по той причине, что в результате фашистской оккупации все учетные данные как у нас, так и в горкомхозах, горжилуправлениях, Бюро инвентаризации и других — уничтожены. И после освобождения от оккупации была проведена работа только по учету обобщественного жилого фонда. В виду этого, на основании каких данных можно в настоящий момент получить сведения о домах, находящихся в личной собственности? Таким образом, если в результате наших настойчивых требований мы все же получаем эти данные, то достоверность их маловероятна» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 14, д. 1210, л. 38].

Наряду с восстановлением жилищного фонда осуществлялся и его ремонт, который наталкивался на катастрофическую нехватку денег, строительных материалов и свободных рабочих рук. В «Сводном отчете по жилищному хозяйству» Мосгорисполкома за 1945 год отмечалось: «В первые два года войны резко снижены и доведены до 36 548,6 тыс. руб. (против 50 273,3 тыс. руб. в 1940 г.) расходы на текущий ремонт» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 490, оп. 1, д. 34, л. 53]. Одной из причин тому стало «падение доходов по квартплате». Тот же источник связывал его в первую очередь с освобождением значительного числа лиц, призванных в Красную армию, от оплаты жилья и снижением ее размеров для эвакуированных: «Освобождение

от квартирной платы со дня начала Великой Отечественной войны до 15.IX.41 лиц, эвакуированных из Москвы, и взимание с этих лиц временно с 16.IX.41 по 1.VII.42 квартирной платы в размере не более 50 % платежных ставок до эвакуации. К началу 1942 г. категория льготников была расширена за счет орденосцев, получивших орден в 1942 г. » [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 490, оп. 1, д. 34, л. 26].

Тем не менее шло постепенное налаживание жилого быта, изыскивались возможности приведения в нормальное состояние не только квартир и домовладений граждан, но и «мест общественного проживания». В декабре 1942 года исполком Моссовета, рассмотрев вопрос «О работе гостиницы “Москва”», отмечал: «Эксплоатация гостиницы находится в запущенном состоянии. В гостинице нет элементарного порядка, вежливости и культуры в обслуживании проживающих в гостинице; подсобные помещения гостиницы запущены и грязны; на 50 % гостиница занята постоянными жильцами; элементарное культурное обслуживание (почта, телеграф, буфет, читальня) отсутствует <...> ресторан при гостинице “Москва” находится в антисанитарном состоянии. В ресторане отсутствуют в достаточном количестве посуда, белье. Специальная одежда у обслуживающего персонала грязная». К концу месяца планировалось оборудовать вестибюль, устроить дополнительный гардероб, камеры хранения вещей и комнату для чистки обуви и одежды, снабдить холл мягкой мебелью, зеленью и коврами, а также установить душ «на 20—30 чел. для обслуживания вновь приезжающих» » [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 831, д. 37, л. 149—150].

Во многих городах нехватка строительного материала и санитарно-технического оборудования восполнялась их сбором в разрушенных зданиях. 15 апреля 1943 года Ростовский горком партии принял постановление об упорядочении сбора стройматериалов, а уже в августе отметил, что оно не выполняется: «Идет расхищение материалов. Зав. столовой № 7 Андреевского района разбирала полы, перегородки в разрушенных зданиях на дрова <...> Была осуждена

на 6 месяцев» [ЦДНИРО, ф. 13, оп. 4, д. 22, л. 166]. Человеческий фактор сказывался не только на темпах освоения отпущенных на ремонт средств, но и на его качестве. Тот же Ростовский горком партии 12 августа 1943 года, проводя проверку готовности жилищного фонда к зиме, отмечал: «В целом ремонтно-восстановительные работы по городу проходят неудовлетворительно. Из плана отпущенных средств СНК СССР от 26 июня 1943 г. на восстановление и ремонт жилищного фонда 2470 тыс. руб. освоено 484,9 тыс. руб.» [ЦДНИРО, ф. 13, оп. 4, д. 22, л. 191 об].

Жилищное управление Свердловского района г. Москвы в годовом отчете за 1945 год отметило: «В отличие от 1944 г. качество выполненных работ в 1945 г. было несколько лучше, но все же отдельные виды работ, особенно отделочные, были плохие <...> К плохому виду работ следует отнести плотничные и столярные работы за счет применения древесины с повышенной влажностью и отсутствия антисептических материалов» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 2852, оп. 5, д. 16, л. 1]. В приказе наркома жилищно-гражданского строительства РСФСР № 509 от 10 мая 1945 года указывалось, что «многие строительные тресты не освоили значительную часть выделенных на 1 квартал 1945 г. средств на строительство подсобных предприятий и жилых домов» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 831, оп. 1, д. 89, л. 129].

29 апреля 1944 года всеми управляющими домами РЖУ был получен приказ Мосгорисполкома «немедленно приступить к организации работ и отремонтствованию в течение II и III кварталов текущего строительного сезона установленных райисполкомам числа комнат семей военнослужащих» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 2852, оп. 5, д. 9, л. 42]. Спустя три месяца выборочной проверкой было установлено, что «в ряде домоуправлений он фактически оставлен без внимания». 21 августа начальником жилищного управления Мосгорисполкома был вынесен строгий выговор «за бездушное отношение к нуждам военнослужащих и невыполнение указаний РИКа» управляющему домом № 26 по ул. Горького т. Лапину. Несмотря на неодно-

кратные указания райисполкома о необходимости «ремонта комнаты семьи погибшего на фронте т. Красновского, таковой до сих пор не выполнен; крыша не починена; отвалившаяся штукатурка не восстановлена, окна не застеклены, отопление не восстановлено, дыры в стенах не заделаны» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 490, оп. 2, д. 23, л. 21]. Систематическое невыполнение принятого приказа привело к тому, что уже 24 августа было принято постановление о еженедельном предоставлении сведений о состоянии комнат военнослужащих.

Принимаемых мер и усилий власти по приведению городского жилищного фонда «в норму» явно не хватало. Домоуправления и прокуратура были завалены жалобами граждан на «невнимание к их наболевшим нуждам». Характерным примером расторопности власти и реальных условий жизни подавляющего большинства населения стало дело жительницы г. Москвы Янkelович. 16 февраля 1944 г. после ее неоднократного обращения в домоуправление и жилищное управление Мосгорисполкома последний принял решение о том, что занимаемая ей комната и дом в целом «являются аварийными и непригодными для жилья»: «Дом с 18.01.44 не отапливается, водопровод закрыт, канализация испорчена, территория двора находится в антисанитарном состоянии. В комнате от длительной протечки в кухне сгнил пол, потолок отсырел, штукатурка грозит обвалом» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 490, оп. 2, д. 23, л. 46]. Месяцем позже при проверке жалобы жильцов дома № 44 по ул. Чкалова было установлено: «Его эксплуатация проводится неудовлетворительно и элементарное обслуживание жильцов не организовано: лестничные клетки не утеплены и не освещаются, входные двери плотно не прикрываются, через разбитые стекла проникает снег. Лестницы и коридоры не моются. Из-за отсутствия наблюдения за системой подкачки часто не подается вода в верхние этажи. Лифт долгое время не работает и находится в запущенном состоянии». Той же проверкой в ряде домоуправлений были выявлены массовые случаи грубейших нарушений оплаты, начисляемой на квартиры военнослужащих [ЦХД по-

сле 1917 г. ЦГАГМ, ф. 490, оп. 2, д. 23, л. 36, 37]. Ответной реакцией на «невозможность решения квартирного вопроса» стало самопроизвольное строительство жилых домов со стороны отдельных ведомств и учреждений. Так, с января по июль 1944 года тянулась тяжба между Мосгорисполкомом и командиром воинской части 36 826 генерал-майором Ивановым, начавшим самовольное строительство жилого дома в Филе-Куцевском лесопарке на резервной территории города. В конечном итоге, городские власти вынуждены были согласиться с его достройкой, но потребовали наказания «инициатора» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 534, оп. 1, д. 38, л. 35, 36].

Вопрос о том, каким быть строящемуся жилью, находил свое отражение в рационализаторских предложениях и строительных инициативах военного времени. В мае 1942 года главный инженер московского завода «Электросталь» в переписке с начальником жилищного управления Моссовета просил его разрешения «провести работы по строительству жилья для завода на началах, получивших в военное время широкое распространение в Америке»: «Заводу необходимо жилье в размерах 400—425 квартир — мы предлагаем изготовить на своих подсобных предприятиях в Москве сборные небольшие домики (двух или одноквартирные) по типу американских и поставить их по указанию заказчика на площадке завода. Это в 2,5—3 раза быстрее, чем при капитальном строительстве» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 831, оп. 1, д. 46, л. 110]. В сентябре 1943 года исполнительный комитет Мосгорисполкома одобрил инициативу академика-архитектора Мордвинова «в деле строительства жилых домов из блоков, изготовленных из высокопрочного гипса». Предполагалось построить 4 опытных двухэтажных дома из гипсовых блоков; 2 дома из мелких и крупных гипсовых блоков [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 831, оп. 1, д. 55, л. 110]. В 1944 году был объявлен всесоюзный конкурс на лучшее рационализаторское и изобретательское предложение по эксплуатации, ремонту и восстановлению жилищного фонда городов, освобожденных от немецкой оккупации. В ходе его проведения

должны были быть решены задачи по «применению простейших облегченных конструкций и элементов жилых домов (кровли, перекрытий стен, фундаментов, перегородок) на базе местных материалов, отходов производства, заменителей дефицитных материалов» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 490, оп. 23, д. 23, л. 88].

18 ноября 1944 года был создан Наркомат жилищно-гражданского строительства (Наркомгражданстрой) РСФСР, одной из главных задач которого стали проектирование и строительство заводов по производству отделочных материалов, строительных деталей, оборудования и мебели для обеспечения строительства на территории РСФСР. Уже в октябре им принимается капитальный план по строительству 6 заводов: 2 — по производству высокопрочного строительного гипса в Ленинграде и Сталинграде; 4 — по производству шлакобетонных камней с установкой «на местные вяжущие материалы» в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону и Воронеже [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 831, оп. 1, д. 127, л. 75]. Приказом Наркомгражданстроя от 23 мая 1944 года начинается создание индустриальной базы для массового жилищного строительства. Его основу должны были составить изготавливаемые заводским способом сборные деревянные дома на 400 тыс. кв. м жилой площади в год, жилые дома из гипса на 60 тыс. кв. м, а также из шлакобетона на 50 тыс. кв. м. Деревянные дома должны были изготавливаться из водостойчивой фанеры с наружной обшивкой. 20 % из них планировалось оборудовать водяным отоплением от кухонных очагов; 10 % — центральным отоплением от тепловой системы; 70 % — печами преимущественно сборного типа. 30 % должны были быть оборудованы водопроводом и канализацией. Дома всех трех разновидностей виделись одноэтажными: площадь однокомнатных квартир должна была составлять 16—18 кв. м и предполагала наличие 6—8 кв. м кухни — столовой; двухкомнатные квартиры проектировались в пределах 22—25 кв. м, трехкомнатные — 32—36 кв. м. Для них предусматривались кухни площадью 6 кв. м [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 831, оп. 1, д. 79, л. 37, 38]. В целом

различными строительными организациями наркомата в 1945 году должно было быть введено в действие 52 тыс. кв. м. жилья [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 831, оп. 1, д. 89, л. 132—133].

Согласно «Основным санитарным установкам 4-й пятилетки в области обустройства населенных мест СССР» предстояло разрешить три основных задачи в области жилищного строительства: «ремонт и поддержание существующего жилфонда; восстановление разрушенного жилищного фонда в местностях, бывших во временной оккупации; новое жилищное строительство». Новое жилье предполагалось обеспечить обязательным земельным участком, самостоятельным или общим для группы домов. Основным типом жилой застройки должны были стать малоэтажные (в 1—2 этажа) дома. Рассматривая вопрос о ходе их строительства Московский городской совет депутатов трудящихся 16 мая 1944 года отметил: «Работы развернуты неудовлетворительно, не обеспечены своевременный подбор и отвод земельных участков, разработка технической документации. Разработанный проект непригоден для массового строительства (многотипность щитов, отсутствие жесткости всей конструкции, неэкономичный расход древесины и т. д.). Начаты лишь земляные работы, наряд на мобилизацию 3500 рабочих выполнен на 38 %, выделенные фонды слабо реализованы: по цементу на 23 %, железу кровельному — 26 %, на стекло, шифер, белила, газотрубы и гвозди — не реализованы» [ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ, ф. 831, оп. 1, д. 71, л. 5].

Для больших городов предусматривалось строительство более крупных жилых зданий. Впервые на государственном уровне «основным типом нового жилищного строительства» провозглашалась не отдельная комната, а «односемейная квартира». Принцип «Каждой семье — изолированную квартиру» должен был служить залогом соблюдения санитарно-гигиенических норм и здорового образа жизни «группой близких родственников». Обязательным элементом каждого жилого помещения должна была стать теплая уборная. В первом же году 4-й пятилетки планировалась ликвидация всех землянок,

служащих жильем. Запрещалось строительство новых общежитий-казарм [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 649, лл. 5—8]. Однако отказаться от коммуналок власти так и не решились, несмотря на антисанитарное состояние большинства из них. По результатам обследования госсанинспекции, 120 тыс. общежитий в РСФСР, проведенного в августе 1945 года, было закрыто 45 из них, передано в прокуратуру 36 дел, на 4940 общежитий были наложены штрафы [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 649, л. 70].

С 1 сентября 1945 года вводились новые правила устройства, оборудования и содержания рабочих общежитий, утвержденные СНК СССР. Их заселение рассчитывалось из нормы 4,5 кв. м на чел. и не более 6 чел. на одну комнату [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 649, л. 79]. Запрещалось занятие под жилье подсобных помещений и мест общего пользования. Установленные нормы жилой площади и запреты по превращению в жилье хозяйственных помещений вызвали возмущения со стороны ряда наркоматов, в ведении которых находились общежития. В частности, Наркомат минометного вооружения настаивал на доведении «прожиточной площади» до 2 — 3 кв. м, боеприпасов — 4 кв. м, танковой промышленности — 3,5 кв. м [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 649, лл. 102, 110]. При этом их представителей не смущало то обстоятельство, что «до сего времени остались совершенно недопустимыми условия жизни в общежитиях, например Тракторострой в Сталинграде, где до 2000 рабочих расположены в малоприспособленных землянках на сплошных нарах, без постельных принадлежностей» [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 649, л. 48].

Не менее плачевная ситуация складывалась и в еще одной разновидности жилья общежитского типа — детских домах, опыт нахождения в которых примирил не одно послевоенное поколение советских граждан с коммунальным бытом. По данным союзных Наркомпросов на 1 октября 1945 года, в СССР насчитывалось 5003 детских дома, где находилось 354 701 чел. детей. По РСФСР эти цифры составили соответственно 34 912 и 356 899, Молдавской СССР — 22 и 1929

[ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 638, л. 1]. В «Докладной записке госсанинспекции наркомучпросвещения о санитарном состоянии детских домов в СССР, 1945 г.», указывалось на резкое ухудшение в них за годы Великой Отечественной войны жилищных условий. Причиной тому называлось увеличение численности воспитанников при неизменных материально-технических возможностях детских домов: «В Казахской ССР в 1945 г. количество д/д по сравнению с 1944 г. увеличилось на 12, а число детей за это время на 3274 чел. Отсюда становится понятной та резко уменьшившаяся средняя полезная площадь, которая наблюдается в настоящее время во многих д/д вместо установленных 5 кв. м на каждого ребенка: Украинская ССР — от 0,75 до 1,5; Белорусская ССР — от 1 до 2; Таджикская ССР — от 0,5 до 2; Башкирская АССР — от 0,9 до 1,5. В 72 д/д Новосибирской области — 1,5 кв. м». Обеспеченность инвентарем не удовлетворяла потребностей в нем: из-за отсутствия кроватей в 50 % обследованных домах (1559) «дети спят по 2—3 чел. на одной кровати»; «вследствие отсутствия шкафов и тумбочек дети раскладывают вещи личного пользования на кроватях, окнах или просто на полу» [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 638, л. 5].

Все разрабатываемые проекты жилых построек того времени проходили экспертизу технического бюро Академии архитектуры. Ее заключения носили, как правило, рекомендательный характер и отражали официальные представления о предназначении жилья и допустимой степени его комфортности. Так, рассматривая в октябре 1944 года проект одноэтажного, одноквартирного шлакобетонного дома с квартирой в три комнаты академика Великанова, экспертное бюро рекомендовало принять его для опытного строительства со следующими изменениями и дополнениями: «Объединить умывальню с уборной и расширить площадь кладовой». В отношении проекта двухэтажного 16-ти квартирного шлакобетонного дома архитектора Руднего к уже отмеченным ранее изменениям добавлялась необходимость «убрать из алькова встроенную мебель» [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 649, л. 28]. Показательно, что многие проекты предлагали

малоэтажную и в основном деревянную застройку послевоенных городов, обосновывая ее гигиеничностью строительного материала и обеспечиваемым им здоровым воздухом [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 649, л. 40]. Начавшееся ведомственное обсуждение проектов жилых зданий, подготовленных техническим бюро, вызвало множество замечаний со стороны различных наркоматов. Главным из них являлось «завышение площади жилых комнат против нормативов, установленных ГКО от 25 мая 1944 г.»¹. По мнению представителей Наркомата танковой промышленности, завышенность площадей жилых комнат создавала опасность «заселения индивидуального дома с собственным участком несколькими семьями» [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 649, л. 52]. В 1945 году Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР был предложен новый проект норм жилых домов и квартир. Все они должны были в обязательном порядке быть оборудованы кухнями в зависимости от общего метража квартир, площадь которых колебалась от 6 до 10 кв. м, уборными с умывальниками, передней и кладовой для хозяйственных вещей [ГАРФ, ф.р-9226, оп. 1, д. 650, л. 49 об.].

С 1942 года начался учет и восстановление жилищного фонда сельских населенных пунктов. Согласно сведениям отдела жилищно-коммунальной и школьной санитарии Народного комиссариата здравоохранения СССР за 1942 год, в 23 освобожденных районах Курской области «немцы в свою бытность разрушили и сожгли свыше 20 000 крестьянских дворов»: «В одном Дмитровском районе Курской области сожгли более 4000 жилых домов <...> В трех районах Ленинградской области сожжено 200 деревень и в них более 5030 домов». В Калининской области было сожжено и разрушено 67 000 жилых домов. К 1 сентября 1943 года в освобожденных районах Курской области уже было восстановлено 9387 жилых домов колхозников, заново построено 856. Из них в наиболее пострадавших от оккупации и бомбе-

¹ Норматив площади жилой комнаты не должен был превышать 16 кв. м, двух комнат — 22 кв. м. Одобренные проекты содержали соответственно 18 кв. м и 42,9 кв. м.

жек Тимском и Мантуровском районах восстановлено соответственно 1302 и 980 жилых дома. В освобожденных районах Калининской области «восстановлено, приспособлено и построено 20 980 домов» [ГАРФ, ф.р — 922, оп. 1, д. 507, лл. 4—4 об.]. 21 августа 1943 года было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В нем, в частности, предусматривалось и строительство нового жилья, возлагавшегося на местные советские органы власти. Сельскохозяйственному банку предлагалось «выделять кредиты на индивидуальное жилищное строительство в сельской местности по 10 000 руб. на семью сроком на 7 лет», а также выдавать ссуду членам семей, главы которых находились в Красной армии [ГАРФ, ф.р — 922, оп. 1, д. 507, лл. 5—5 об.]. До восстановления жилищного фонда вернувшиеся из эвакуации жители размещались в землянках, дзотах и блиндажах, чье состояние вызывало большую обеспокоенность органов санэпиднадзора, требовавших их обработки от вшей. Причем наличие последних связывалось исключительно с пребыванием в «военных сооружениях» немецких солдат и офицеров [ГАРФ, ф.р — 922, оп. 1, д. 507, лл. 6—6 об.].

Строительство жилья в сельской местности предполагалось осуществлять по новому плану. В этом отношении довольно интересны предложения сотрудника санитарной службы Я. М. Глушко, изложенные им в докладе «Санитарное благоустройство сельских населенных пунктов, освобожденных от немецких оккупантов» с характерным подзаголовком «В помощь общественному санинструктору». Жилой дом для колхозной семьи, по его представлениям, «необходимо строить на здоровом сухом месте»: «Фундамент закладывается ниже уровня промерзания грунта <...> Чтобы в комнату попадали солнечные лучи и комнаты были светлые, рекомендуется дом строить так, чтобы окна были обращены на солнечную сторону — на юг, восток юго-восток или на юго-запад <...> Комнаты в доме должны располагаться так, чтобы в них не устраивался вход через

кухню, в жилые помещения заносится грязь. В доме должны быть 2—3 комнаты и подсобные помещения. <...> Если после освобождения села бывает трудно построить такой дом, можно сделать его в две очереди. Высота жилых помещений рекомендуется примерно в 3 метра. При недостатке материалов и рабочих рук можно строить помещения высотой в 2,8 м, более низко строиться не рекомендуется. Комнаты должны быть светлые, площадь окон составляет около 1/6—1/8 площади пола. Полы необходимо делать не земляные, а деревянные» [ГАРФ, ф.р-922, оп. 1, д. 507, лл. 12—12 об.]. Однако до воплощения в жизнь этих научно обоснованных норм «здорового» жилья на селе дело так и не дошло. Отсутствие необходимых средств и более привычная конструкция жилого помещения, служившая не только домом, но и хозяйственной постройкой, очень быстро вернули селу его довоенный облик. Между тем обозначившиеся в годы войны попытки принципиально иного, ориентированного на потребности человека, решения жилищного вопроса еще долгое время оставались проектами. Трудности послевоенного восстановления и аскетизм быта подавляющего большинства населения превращали центральное отопление и водопровод в символы повышенного комфорта, а наличие отдельной от остального жилого помещения кухни делали его элитным.

В целом Великая Отечественная война не только резко ухудшила жилищные условия населения, но и до предела обострила их предвоенное состояние. Начавшаяся по мере освобождения оккупированных территорий инвентаризация жилого фонда выявила необходимость его существенного обновления, вызвав к жизни целое проектное движение. Вместе с тем практики решения жилищного вопроса в военное время — учет и распределение жилой площади; ремонт аварийного жилья; улучшение жилищных условий — зависели не только от конкретных возможностей соответствующих органов власти и от личных качеств их представителей, но и от «предприимчивости» самого населения.

Источники и принятые сокращения

ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации.*

НАРА — *Национальный архив Республики Адыгея.*

РГАЭ — *Российский государственный архив экономики.*

Распоряжение от 29.04.1944 — *Распоряжение Моссовета «О заселении жилой площади, освобожденной сотрудниками НКВД за выездом их на другую площадь и площадь репрессированных граждан» от 29 апреля 1944 г. // ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ. Ф. 2433. Оп. 8. Д. 2. Л. 36.*

Распоряжение от 12.01.1945 — *Распоряжение Моссовета «О распределении освободившейся жилой площади осужденных граждан» от 12 января 1945 г. // ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ. Ф. 2433. Оп. 8. Д. 2. Л. 37.*

ЦДНИРО — *Центр документации новейшей истории Ростовской области.*

ЦХД после 1917 г. ЦГАГМ — *Центр хранения документов после 1917 г. Центрального государственного архива г. Москвы.*

Литература

1. *Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения : сборник документов. — Краснодар : Диапазон-В, 2010. — 240 с.*

2. *Яров С. В. Блокадная этика : представления о морали в Ленинграде в 1941—1942 гг. / С. В. Яров. — Санкт-Петербург : Центрполиграф, 2012. — 603 с.*

© **Хлынина Татьяна Павловна (2014)**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук — ИСЭГИ ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону); tatiana_xl@mail.ru.